

собратьям по науке, он должен вести жизнь не только созерцательную, но и деятельную и т. д.¹²

Говоря о складывающемся новом стиле жизни с ясно выраженным ренессансным оттенком, нельзя не отметить такие характерные для умонастроения той культурной среды идеи и вкусы, как забота о литературной славе, честолюбие, любовь к своим творениям, бессмертие, обретенное литературной славой. Например, Метохит, Хумн, Григора, Магистр и другие в письмах и трактатах часто высказывали жгучее желание написать такое сочинение, которое обессмертило бы их навеки. Никифор Хумн в одном из писем подчеркивал: «Нет ничего в мире, что я предпочел бы литературной славе»¹³. Никифор Григора, побуждая философа Иосифа к написанию комментария к Аристотелю, добавляет: «Чтобы известность, как большой корабль, пронесла твою славу через века целой и нетронутой», а в письме к Севасту Калоидасу, подробно сообщая о своих научных трудах по астрономии, через которые надеется добиться славы, он напоследок высказывает заветную мечту написать в будущем такое сочинение, которое бы увековечило память о нем в умах потомков¹⁴. По мнению Феодора Метохита, пайдейя обеспечила бессмертную славу художникам Фидию, Полигноту, Зевксиппу, Лисиппу, а также знаменитым писателям прошлого¹⁵. Именно о славе, которая пересекала бы границы византийского мира, мечтает Мануил II Палеолог (этот, по выражению Димитрия Кидониса, «философ на троне»), когда посылает один из собственных риторических опусов известному итальянскому гуманисту Гварино Веронскому с просьбой перевести его на латинский или итальянский язык (*Man. Palaeol.* N 60. P. 169.16). Многие письма византийских гуманистов проникнуты заботой о сохранении и распространении своих сочинений, этих «детей, дорогих тем, кто их сотворил», — метафора, которой часто пользовались византийские писатели того времени. Сравнив, например, литературные сочинения с детьми, Никифор Хумн добавляет, что, подобно тому как отцу приятно видеть телесную красоту своих детей, писателю приятно видеть свои сочинения каллиграфически переписанными на пергамене, ибо совершенство формы делает их еще более дорогими сердцу¹⁶.

В кругах византийских гуманистов широко практиковался обмен книгами, в письмах то и дело высказывались просьбы о присылке сочинений адресата и сообщалось о посылке своих. Например, у Михаила Гавры среди рукописей, полученных им в порядке книгообмена от друзей, упоминаются рукописи с сочинениями Демосфена, Евсевия, Геродота, {230} Гомера, Платона, Плутарха, Аристиды (особой известностью пользовалась роскошная рукопись с сочинениями Аристиды, писцом которой был Аргиропул, а владельцем — Никифор Ксанфопул)¹⁷. Книга, которая, по мнению Михаила Гавры, призвана была воспитывать у людей вкус к свободе¹⁸, вообще играла в литературном мире поздней Византии огромную роль. Византийские библиофилы буквально охотились за хорошими рукописями, сами переписывали их, обсуждали технологию изготовления новой рукописи, тратили много усилий на то, чтобы раздобыть хороший пергамен для рукописи. В одном из писем того же Михаила Гавры содержатся ценные сведения о том, как поврежденные места рукописи с сочинениями Плутарха заменялись новым пергаменом и заново переписывались¹⁹. Византийские филологи были незаурядными знатоками палеографии и кодикологии. Считается, например, что творчество константинопольцев Максима Плануда и его ученика Димитрия Триклиния, которые заложили основы критики текста, было первоклассным даже по нашим стандартам²⁰, — мнение, думается, несколько преувеличенное, так как их конъектуры доставляют немало беспокойств нынешним

¹² *Hunger H.* Der Ethikos des Theodoros Metochites. S. 149 ff.

¹³ *Ševčenko I.* Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. P. 18.

¹⁴ *Greg. Ep.* Vol. 2, N. 22. P. 76, 1. 124—125; N 114. P. 302, 1. 103—107.

¹⁵ *Hunger H.* Der Ethikos des Theodoros Metochites. S. 149—150.

¹⁶ *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos: Honime d'Etat et Humaniste byzantin (ca. 1250/1255—1327). P. 1959. P. 78.

¹⁷ *Fatouros G.* Op. cit. Ep. 269. S. 427.

¹⁸ *Ibid.* Ep. 404. S. 630.

¹⁹ *Ibid.* Ep. 252. S. 409.

²⁰ *Ševčenko I.* Theodoros Metochites, the Chora and intellectual trends of this time // *The Kariye Djami. Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes* / Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975. Vol. 4. P. 19.